

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОПОЭТИКА:
ПОЛИЛОГ НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

**ОДА ГОРАЦИЯ В НОВЫХ ВРЕМЕННЫХ
И ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КООРДИНАТАХ**

*Ионова Ирина Александровна,
доктор хабилитат филологии,
профессор университетар
(Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. В контексте известных исследований жанра, восходящего к оде Горация, автор статьи делает ряд замечаний о неканонических по форме и содержанию «памятниках» и рассматривает произведения русских поэтов XX-XXI вв., не попавшие в поле зрения литературоведов, – стихотворения Бориса Заходера и русских литераторов из Молдовы Александры Юнко и Виктора Пицмана.

Ключевые слова: *памятник, Ходасевич, Бродский, Заходер, Юнко, Пицман.*

**THE ODE OF HORATIUS IN THE NEW
TEMPORAL AND SPATIAL COORDINATES**

Abstract. In the context of well-known studies of the genre, which goes back to the ode of Horace, the author makes a number of comments about the non-canonical form and contents of the "monuments". She considers the works of Russian poets of XX-XXI centuries which have not come to the attention of literary scholars – poems by Boris Zakhoder, Alexandra Iunco and Viktor Pitsman – Russian writer's from Moldova.

Key words: *monument, Khodasevich, Brodsky, Zakhoder, A. Iunco, V. Pitsman.*

**ODA LUI HORĂȚIU ÎN CONTEXTUL NOIL
OR COORDONATE DE TIMP ȘI SPAȚIU**

Adnotare. În contextul cunoscutelor cercetări a genului literar consacrate odei lui Horațiu, autorul articolului aduce câteva observații privind abaterea de la canoane formei și conținutului „monumentelor” și

abordează creațiile poeților ruși ai secolului XIX-XX, care nu au nimerit în câmpul de vedere al criticilor literari, și anume, poezia lui Boris Zahodera și a literaților ruși din Moldova, Alexandrei Iunko și Victor Pițman.

Cuvinte cheie: *monument, Hodasevici, Brodskii, Zahoder, Iunko, Pițman.*

Судьба оды римского поэта Квинта Горация Флакка “*Ad Melpomenen*” уникальна. Поистине, «многочисленные переложения горацевой оды к Мельпомене и подражания ей составили в мировой поэзии **нечто вроде особого жанра** (выделено нами – И.И.), причем каждый поэт, соответственно своей эпохе, направлению или течению в литературе и связанному с этим представлению о поэтическом бессмертии, пересказывал античный инвариант по-своему» [16].

Этот «жанр», как известно, имеет свои канонические признаки: эпиграф из оды (на латыни), заданность первой строки с начальным авторским «Я», обязательное употребление слова «памятник», сравнение поэтического памятника с чем-либо величественным и знаменитым, определение своего «места в литературном процессе», указание причин, по которым собственное творчество должно сохраниться в памяти потомков.

В русской литературе существует целая галерея таких «памятников». Переводами можно считать тексты М.В.Ломоносова и В.В.Капниста. Первоисточник в них отчетливо просвечивает сквозь строки русского стиха наименованиями географических и культурных реалий, образами античной поэзии, которые требуют пояснения для большинства современных читателей.

У Ломоносова личностный, биографический мотив прочитывается, пожалуй, лишь в одной строке финальной

части: *«Отечество мое молчать не будет, // Что мне беззатный род препятством не был...»*

Переводы, в том числе сделанный известным лингвистом А.Х. Востоковым, дают современному читателю, не знакомому с латинским оригиналом, возможность убедиться, что русские авторы следовали ему.

Точкой отсчета, образцом для русских «памятников» XX и XXI вв. стало стихотворение А.С.Пушкина, а не написанные ранее произведения, и тем более не первоисточник Горация. *«Россия не знала прямой гораціанской культуры (Державин не знал латинского языка), гораціанской школы (как в Германии и романских странах)»*, – подчеркивал Л.Пумпянский [цит. по: 9, 136].

Изыскания и комментарии, посвященные «памятникам» в русском литературоведении, многочисленны, поэтому современным исследователям, желающим сказать нечто новое по теме, необходимо тщательно «анализировать анализы», в том числе монографическую классику [1] и труды последних лет [2; 3; 10; 15, 16 и др.].

В сфере сопоставительного исследования включаются новые творения данного «жанра», в нее вовлекаются стихи, авторы которых отклоняются от формальной «матрицы», заданной Горацием и утвержденной поэтами в XVIII-XIX вв., вообще произведения, затрагивающие тему «роли поэта и поэзии». Все более расширяется историко-культурный контекст анализа. По выражению В. Ходасевича в речи на Пушкинском вечере в Доме литераторов 14 февраля 1921 г., *«Пушкин уже <...> отделился от своего времени и вышел в открытое море истории, и ему, как Софоклу или*

Данту, предстоит образы толкованиями и комментариями» [17, 203].

Можно сказать, что к настоящему времени сложилась (и продолжает формироваться) своего рода тематическая научная энциклопедия, посвященная «памятникам». Нужна ли она современному человеку? Исследователям – разумеется. Но она необходима и педагогам.

Современно и остро воспринимаются сегодня высказанные в «Колблемом треножнике» мысли Ходасевича. Предвидя и предрекая «охлаждение» к Пушкину, объясняя неизбежность этого, он писал о смене эпох в начале XX века:

«История наша сделала такой бросок, что между вчерашним и нынешним оказалась какая-то пустота, психологически болезненная, как раскрытая рана. И все вокруг нас изменилось: не только политический строй и все общественные отношения, но и внешний порядок, ритм жизни, уклад, быт, стиль. <...> Прежняя Россия, а тем самым Россия пушкинская, сразу и резко отодвинулась от нас на неизмеримо большее пространство, чем отодвинулась бы она за тот же период при эволюционном ходе событий. Петровский и Петербургский период русской истории кончился <...>. Возврат немислим ни исторически, ни психологически» [17, 202-203].

Ходасевич, сам переживший разлом эпох – первую мировую войну, революции, гражданскую войну, с болью констатирует: *«уже многие не слышат Пушкина, как мы его слышим, потому что от грохота последних шести лет стали <...> туговаты на ухо. <...> Уже многие образы Пушкина меньше говорят им, нежели говорили нам, ибо неясно им виден мир, из которого почерпнуты эти образы <...>». И это – «не отщепенцы, не*

выродки: это просто новые люди. Многие из них безусыми юношами, чуть не мальчиками, посланы были в окопы, перевидали целые горы трупов, сами распоролы немало человеческих животов, нажгли городов, разворотили дорог, вытоптали полей – и вот вчера возвратились, разнося свою психическую заразу». И далее: «до понимания Пушкина им надо еще долго расти. Между тем необходимость учиться и развиваться духовно ими признается недостаточно, – хотя в иных областях жизни, особенно в практических, они проявляют большую активность» [17, 202-203].

В таком контексте становится понятным стихотворение В. Ходасевича «Памятник», написанное в 1928 году, в Париже.

«Во мне конец, во мне начало. // Мной совершенное так мало! // Но все ж я прочное звено: // Мне это счастье дано.

*// В России новой, но великой // Поставят идол мой
двуликий // На перекрестке двух дорог, // Где время, ветер
и песок...»*

Этот «Памятник» по форме совсем не похож на классические образцы «жанра». *«Традиция в стихотворении Ходасевича не довлеет над поэтом, она как бы припоминается, обыгрывается, реставрируется...»* [4]. Замечателен сам образ памятника, символизирующий связь времен: ведь лики древних идолов обращены одновременно в прошлое и в будущее. *«Он отказался от громкого тона и пафоса и оставил нам выверенную, сдержанную и трезвую формулу своей роли и места в поэтической истории», – пишет С. Бочаров* [4]. Свое предназначение – быть связующим звеном между классической и новой культурами, хранителем традиций – Ходасевич, не помышляя о посмертной славе, называет

счастливой ролью. Грядущие поколения оценят его вклад в историю русской поэзии: ведь в «новой, но великой» России памятник – невзрачный, изъеденный непогодой, без имени на нем, но исполненный смысла – все-таки будет поставлен.

Статья А.М.Ранчина «Об одном поэтическом треугольнике: Пушкин – Ходасевич – Бродский» [14, 26] подсказала А.А.Фокину мысль о сопоставлении «Памятника» В. Ходасевича со стихотворением И. Бродского «*Aere perennius*», которое было написано в 1995 и опубликовано в 1996 году.

*«Приключилась на твердую вещь напасть: // будто
лишних дней циферблата пасть // отпрыгнула назад, до
бровей сыта // крупным будущим, чтобы считать до ста.
// И вокруг твердой вещи чужие ей // встали кодром,
базаря “Ржавей живей” // и “Даешь песок, чтобы в гроб
хромать, // если ты из кости или камня, мать”. //
Отвечала вещь, на слова скупа: // “Не замай меня, лишних
дней толпа! // Гнуть свинцовый дрын или кровли жесть –
// не рукой под черную юбку лезть. // А тот камень-кость,
гвоздь моей красы – // он сучает по вам с мезозоя, псы. //
От него в веках борозда длинней, // чем у вас с вечной
жизнью с кадиллом в ней”».*

Название (в переводе с латыни – «Долговечнее меди» или «Вековечнее бронзы») – не что иное, как продолжение строки из оды Горация, начало которой использовалось классиками в качестве эпитафии: *Exegi monumentum aere perennius*. Это сразу связывает рассматриваемое произведение с традицией русских «памятников», хотя по форме оно, как и у Ходасевича, полностью отходит от канонов «жанра». *«Последние дни жизни И. Бродского прошли, – напоминает А.А.Фокин, – <...> под знаком античной поэзии и прозы А.С. Пушкина. Именно поэтому*

его стихи и эссе 1995-96 годов <...> пронизаны духом вечности поэтического слова, вечности языка» [16].

На «ахматовский контекст» стихотворения Бродского обратил внимание в своих «Заметках для памятника» А.Г. Найман [12], напомнив ее четверостишие «*Ржавеет золото и истлевает сталь...*» А.А.Фокин убедительно показывает, что контекст этот «гораздо шире и глубже», трактуя с этих позиций, в частности, ахматовский «Реквием» и называя его поэтическим мемориалом. «Здесь тема “памятника” носит характер не столько возвеличивающий поэта и поэзию, сколько завещательный. Поэт не сравнивает себя с кем-либо или с чем-либо, она противопоставляет себя власти, становясь ртом, голосом “стоимильонного народа”. <...> В этом смысле Ахматова полемизирует с Пушкиным, который пробуждал лирой добрые чувства. Она не просто будит эти чувства, она чувствует то, что чувствует весь народ...» [16]. Не случаен в наследии А. Ахматовой и перевод «Из древнеегипетской поэзии», где символом вечности является не металл и камень, не преемственность поколений, а написанное, сказанное слово.

Стихотворение «*Aere perennius*» Бродского, конечно, непрозрачно для понимания. Вероятно, поэтому исследователь подчеркивает, что оно, как и памятники Горация и Пушкина, «открыто к толкованиям и интерпретациям». А для этого «сознание читателя должно быть открыто к разным ассоциативным ходам, к узнаванию “ответов” не только Горацию и Державину», ибо «насыщенность поэтическими ассоциациями <...> делает стихотворение элитарным, предполагает аристократический уровень культуры» [16]. Определение уровня культуры, требуемого от комментатора, несколько смущает, однако рискнем все-таки заметить: Бродский

здесь не воздвигает памятник, то есть речь не идет о славе, признании. Поэт борется с силами, которые могут и готовы уничтожить «камень-кость» – древнее слово. Далее приводим интерпретацию А.А. Фокина: автор стихотворения добивается возможности *«ответить за себя – самому и быть при этом услышанным, более того, не раздавленным, не побежденным, а цельным и несокрушимым как сама вечность»*.

Здесь представляется уместным напомнить, что тридцатью годами раньше, в 1962-ом, И. Бродский уже написал один «Памятник» – стихотворение, которое современные исследователи, кажется, стараются не вспоминать: слишком большая дистанция между Бродским 60-х и Бродским 90-х. За эти десятилетия поэт «вырастал» до понимания Пушкина. А двадцатидвухлетний гонимый поэт писал:

«Я памятник воздвиг себе иной! // К постыдному столетию спиной. // К любви своей потерянной – лицом. // И грудь велосипедным колесом. // А ягодицы – к морю полуправд.

// Какой ни окружай меня ландшафт, // чего бы ни пришлось мне извинять, – // я облик свой не стану изменять. // Мне высота и поза та мила. // Меня туда усталость вознесла.

// Ты, Муза, извини меня за то. // Рассудок мой теперь как решето, // а не богами налитый сосуд. // Пускай меня низвергнут и снесут, // пускай в самоуправстве обвинят, // пускай меня разрушат, расчленият, – // в стране большой, на радость детворе // из гипсового бюста во дворе // сквозь белые незрячие глаза // струей воды ударю в небеса».

На характерный для поэта способ цитирования обратили внимание многие исследователи: Бродский

обрывает цитату, лишь обозначив ее, когда она еще требует продолжения, и дальше пользуется уже только своей палитрой, подчеркивающей контраст с цитируемым произведением, настолько разительный, что сама цитата начинает выглядеть содержательной и стилистической инкрустацией. Эффект получается особенно впечатляющим потому, что Бродский таким образом вторгается в самые заветные, хрестоматийно-классические строки, одно прикосновение к которым может показаться кощунственным. Показательный пример – шестой сонет цикла «Двенадцать сонетов к Марии Стюарт» [6, 199-226], который начинается строками: *«Я вас любил. Любовь еще (возможно, // что просто боль) сверлит мои мозги».*

Бродский прямо-таки вызывающе отказывается от ожидаемого эпитета в первой строке. «Я памятник себе воздвиг...» Какой? Читатель предчувствует продолжение, памятуя, что у Державина он «чудесный, вечный», у Пушкина – «нерукотворный» (на источник этого эпитета обращает внимание Н.М.Шанский) [18, 292-293]. У И. Бродского «эпитетом» оказывается местоимение «иной», которое вторгается в строку и становится знаком демонстративного отказа от содержательных традиций «памятников». Используя классическую форму, поэт наполняет ее альтернативным содержанием.

Итак, памятник Бродского – иной. Каков же он?

Связь с классическими прототипами легко устанавливается благодаря наличию содержательных и композиционных констант. Однако это стихотворение И.Бродского отличается от пушкинского, как шарж художника-авангардиста от полотна живописца классической школы. Фразеологизм «грудь колесом», который обычно употребляется в разговорной речи для обозначения мужской груди с сильно развитой

мускулатурой, ехидно «подправленный» с помощью определения «велосипедный», живописует далеко не мужественную стать героя. Божественный сосуд разума, дырявый, как решето, позволяет представить его интеллектуальное и психологическое состояние.

Классические образы «памятников» при всей их метафоричности вызывают конкретные (античные) скульптурно-архитектурные ассоциации с одним из семи чудес света – пирамидами, александрийским маяком («двуликий идол» Ходасевича – первый прецедент ухода от традиции). Скульптурный образец есть и у Бродского: это, по нашему представлению, гипсовая статуя (пионера с горном, девушки с веслом, вождя) – примета определенного, вполне узнаваемого времени, которое поэт называет «постыдным столетием» (хотя стихотворение написано практически в середине его).

Выражая уверенность в долгой жизни своей поэзии, предшественники подчеркивали, что эти памятники прочнее, долговечнее материальных, которые делаются из металлов или камня. Материал памятника-ассоциации у Бродского не обеспечивает бессмертия. Пушкин вслед за Державиным представляет свой памятник устремленным ввысь. Их монументы «выше пирамид», «выше александрийского столпа». У Пушкина этот вертикальный ориентир подчеркивается словообразовательными средствами – словами с префиксом воз- (вос-): воздвиг, вознесся, восславил. Памятник И. Бродского едва приподнят над землей: *«Меня туда усталость вознесла»*. Оксюморонность, смысловая и стилистическая, сочетания слов «усталость» и «вознесла» создает образ реального поэта, далекий от патетики.

Памятники предшественников лишены антропоморфных подробностей. Правда, сам Пушкин

отказался от горацанских «пирамид», но это *«имеет не поэтически-образную, а мировоззренческую подоплеку – чудеснее всех чудес света человеческий образ поэта вознесся над ними “главою непокорной”»*, потому что в ренессансной символике человеческого тела как «микрокосма» голова – олицетворение неба, звезд, высшего мира [16].

У Бродского натуралистических деталей в достатке: лицо, глаза, грудь, спина, ягодицы. Впрочем, они служат прежде всего ориентации памятника, как в его стихотворении «Письмо в бутылке»: *«То, куда вытянут нос и рот, // прочий куда обращен фасад, // то, вероятно, и есть “вперед”, // все остальное, считай, “назад”»*.

Однако поэтический памятник ориентирован не в пространстве, а во времени, что сближает его с «двуликим идиолом» В. Ходасевича.

Стихотворение, конечно, очень «бродское». В нем есть определенная эпатажность, свойственная талантливой молодости вообще и творческой личности Бродского, в частности. Может даже сложиться впечатление, что перед нами – именно автошарж. Однако автор далек от самоиронии.

Стихотворение написано, когда поэту было всего 22 года. Позднее, пройдя «ахматовскую школу», он признавался: *«В те времена я был абсолютный дикарь, дикарь во всех отношениях – в культурном, духовном...»* [5, 27]. К пристальному изучению творчества Пушкина и других русских поэтов Бродского подтолкнуло именно общение с Анной Андреевной.

Что-то «дикарское» есть и в стихотворении «Памятник». И дело не в нарушении канона – Ходасевич тоже нарушил его. В произведении Бродского, на наш взгляд, слишком много личностного, эпатажного – вызов

своему времени, юношеская обида на общество за непризнание собственной талантливости.

Закljučая анализ стихотворения Бродского «Aere perennius», А.А.Фокин написал, что это «*достойное завершение пушкинской традиции в русской поэзии XX века*» [16].

Однако исследователям, видимо, не удастся подвести окончательный итог, потому что каждого поэта, вообще каждого творца не может не занимать мысль о судьбе своего наследия.

Здесь стоит еще раз прочесть приведенное выше высказывание В. Ходасевича о том, что в начале XX века история России сделала бросок, в результате которого «*все вокруг нас изменилось: не только политический строй и все общественные отношения, но и внешний порядок, ритм жизни, уклад, быт, стиль. <...> Прежняя Россия, а тем самым Россия пушкинская, сразу и резко отодвинулась от нас*».

В конце XX века закончился и, так сказать, «ленинградский», советский, период русской истории. «Новые люди» нашего времени тоже много чего «*нажгли, разворотили и вытоптали*» – увы, не только буквально, но и в сознании народа. Дух, стиль, ценности пушкинской России не просто еще далее отодвинулись от нас: значительной части «поколения *next*» они уже неведомы.

знаком новой эпохи стало и то, что многое из реальной человеческой жизни, в том числе литература, оказалось вытесненным в виртуальную сферу. Горькое заключение В. Ходасевича – «*возврат немислим ни исторически, ни психологически*» – можно отнести и к этому факту. Но именно достижения технологической революции придали сочетанию «памятник нерукотворный» новый, едва ли не буквальный

смысл: ведь публикации на сайтах Интернета действительно нематериальны – в отличие от бумажных книг.

Стихотворение русского поэта из Молдовы «Дактилограмма» Александры Юнко [19] – это «памятник» новой, компьютерной эпохи. Есть и эпитафия: **«прости, Гораций»**.

*«как птеродактиль в пирамиду // навек впечатана в
клавиатуру // моя дактилограмма*

*// и после генеральной чистки // поверхностей //
напомню о себе // одним касаньем*

*// и если // как Геркуланум и Помпеи // похороню
клавиатуру // под пеплом сигарет // мои глаголы // уже
оставили следы // на жестком диске*

*// пусть // пьяница-сосед // утащит комп // я все
равно // останусь в интернете // пока последний юзер //
будет жив*

*// **продон, А.С.***

*// и даже если // смертоносный вирус // сожрет //
всю информацию на свете // в астрале от меня //
останется строка // трепещущая на ветру времен*

*// **прости, Олег Панфил***

// harrakter@mail.ru

// отправлено»

Это строки современного поэта, который почти разучился писать пером по бумаге, «публикуется» больше в Интернете и вряд ли представляет себе, где и как хранятся сочиненные поэтические строки. Владеет базовой, общеупотребительной компьютерной терминологией и сленгом. На фоне этого словаря высокое слово «глагол» оказывается особенно значимым.

При всей нарочитой модерновости формы (но расставить знаки препинания и прописные буквы в начале

строк очень легко) стихотворение содержит явные признаки классического «памятника». Помимо эпитафия, отсылающего к Горацию, в нем есть пирамида, которая, впрочем, не является объектом сравнения. Ее камни – это носители информации о минувших цивилизациях. Есть ветер времен и «прах» – пепел сигарет. Есть и «муза»: это сам «А.С.» – Александр Сергеевич, у которого автор просит прощения – за что? За неподобающую дерзость формы? За то, что посмела иронически переиначить бессмертные строки своего кумира? Ведь А. Юнко не только поэт, предпочитающий, кстати, классические форма стиха. Она – филолог, пушкинист. И уверенность в вечности поэтического слова, пусть в неведомом астрале, у нее – истинно пушкинская.

Трижды в стихотворении автор просит прощения – у Горация, А.С. и Олега Панфила – русского писателя Молдовы, которому и отправляет свое послание по указанному электронному адресу. Вероятно, адресат скептически относится к идее востребованности художественного слова потомками, и А.Юнко полемизирует с ним.

Стихотворение Виктора Пицмана (живет в молдавском городе Бельцы, родился в селе Каменка Одесской области – также из «памятников» компьютерной эпохи, и называется оно «Ehexi monumentum».

«Я памятник себе в Интер-сети поставил. // Он будет жить, пока компьютеры живут // Провайдера... пока, пусть тихо – не во славу – // Жив будет хоть один, что русским назовут.

// И долго буду тем любезен я Рунету, // Что о поэзии прекрасный сайт создал, // Что сам, крупнейшим будучи поэтом, // На дисках места мало занимал».

Здесь обращает на себя внимание та часть матрицы «памятников», где авторы обычно определяют временные пределы существования своего творчества и круг читателей. У В. Пицмана, в отличие от А. Юнко, это не вообще Интернет-пространство, некий «астрал», а Рунет, то есть русский, ориентированный на русскоязычных пользователей, сегмент сети. По существу, он обращается ко всему русскоговорящему населению планеты, а это очень солидная аудитория. Сегодня в Рунете свыше 20 миллионов сайтов – не менее 7% от их общего количества в мировой Сети. Автоматически попадают в область Рунета и русскоязычные ресурсы некоторых стран, ранее входивших в состав Советского Союза. Например, казахский «Казнет», украинский «УАнет», узбекский «Узнет» и другие. Разумеется, в них создаются сайты на национальных языках, но их сравнительно немного. На постсоветском пространстве русский язык очень распространен, поэтому его просто выгоднее использовать: больше аудитория пользователей. Кроме того, русский остается языком межгосударственного общения.

Кстати, на своем сайте В. Пицман поместил четверостишие, которое можно рассматривать в связи с непреходящей значимостью русского языка именно для общения между странами. Ехидный эпиграф позаимствован из газет: *«Украина, Грузия, Молдова договорились дружить против России. Переговоры велись на русском языке».*

Таковы реалии, и Пицман пишет:

«Хают русских их бывшие друзья, // Нервно пальцы держа в кулаке, // Хорошо понимая друг друга // Лишь... на русском – увы! – языке».

Ежегодно 7 апреля отмечается день рождения Рунета. Именно в этот день 1994 года Россия была представлена

официально в интернете как государство, зарегистрировав домен RU с внесением его в базу данных как национальный домен верхнего уровня¹.

Национальный сервер современной поэзии Стихи.ру в 2006-2007 годах провел конкурс текстов гимна Рунета. В конкурсе приняли участие десятки авторов, преимущественно самодеятельных, что, вообще-то, априори вызывает сомнение в высоком качестве стихов (следует признать, что так оно и получилось). Чаще всего конкурсанты не затрудняли себя созданием оригинальной мелодии: многие тексты ложились на гимн России (Советского Союза).

Победитель конкурса был определен специальной комиссией 1 марта 2007 года, и с тех пор гимн исполняется на торжественных мероприятиях, посвященных Рунету.

Авторы принятого текста – Евгений Копарев, Александр Зацаринный, Михаил Захаров, Юрий Митяков под редакцией Дмитрия Кравчука. Цитируемый припев гимна хорошо показывает его содержательные акценты.

«Славься Рунет как венец технологий, // Свобода прогресса – в Сети без границ. // Культуру России, всех наших народов // Пусть миру несут миллиарды страниц. // И словом, и духом едины народы, // В Рунете собрал и навеки сплотил // Великий, могучий, красивый, свободный – // Наш русский язык на просторах Сети».

Гимн Рунету, как и любой гимн, – произведение патриотическое. Авторы выразили любовь к России,

¹ Первый домен на кириллице появился в конце 2009 года, и был обозначен зоной .рф. Этот домен является национальным верхнего уровня для Российской Федерации и был доступен первое время практически только для государственных структур. С конца 2010 года началась регистрация в домене .рф всех желающих.

гордость ее историей и культурой. Специфика такого гимна – в определении просветительской и цивилизационной роли русского языка в мировой культуре. Легко узнаваемые реминисценции создают интеллектуальный фон хвалебного текста и усиливают его торжественность («навекі сплотил» – из гимна России, «великий, могучий, красивый, свободный» язык – из хрестоматийного, то есть известного каждому россиянину стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Русский язык»). Особо подчеркивается, что Интернет (Рунет в частности) является незаменимым хранителем и способом распространения информации.

Эти мысли, по-разному и зачастую ярко и проникновенно выраженные, содержались во всех представленных на конкурс вариантах. Например:

«Тебе (Рунету) благодарны ученый, писатель: // Талант не зарыт их... Ты богом нам дан. // И есть за тебя в мире горнем предстатель – // Святитель, наставник Руси Феофан.

// Завиден твой жребий, сотрудник Рунета, – // Сближать континенты, сердца и умы, // Содействовать славному делу поэтов, // Свет знаний нести людям нашей страны»¹ [11].

¹ Феофан Затворник жил в середине XIX века и был видным богословом, осуществившим, в частности, полный перевод на русский язык трудов древних отцов церкви. Основанием для его «назначения» покровителем Рунета Русская православная церковь считает тот факт, что святитель Феофан провел в полном уединении около 30 лет, но на протяжении всего этого времени активно общался с верующими с помощью писем.

Но вот что показательное: в одном из них была отсылка к пушкинскому стихотворению:

*«Славься Рунет, наша гордость народная, //
Знания и память всех прожитых лет, // Пусть всё
наследие **нерукотворное**, // Стартом послужит
грядущих побед!» [8]*

<http://www.playcast.ru/view/1621773/99f9fca8ea55d89bdfd86ec4bc39172008418010pl>

Поэтических сайтов в Рунете великое множество. Свою прописку имеет и виртуальный памятник Виктора Пицмана [13].

Что касается самооценки этого автора, то она, на наш взгляд, явно завышена. В «Ехеги monumentum» он – «крупнейший поэт», а в четверостишии «Нескромное» пишет:

*«Поэзии русской, похоже, – привет! // Поэты – и
есть, и как будто бы нет, – // Какие-то тусклые лица! //
А если и есть у России поэт, // Так это живущий уже
много лет // В Молдове – украинец Пицман».*

Конечно, нельзя не учитывать возможность самоиронии, утрирования. Без этого самооценка воспринимается как простое бахвальство.

Впрочем, «доколь будут жить» произведения данного конкретного автора – покажет время, рассудят посетители сайта.

Полемика на тему «весь я не умру» началась, как известно, давно. Прежде всего, вспоминаются знаменитые державинские строки из неоконченного стихотворения «На тленность», написанные 6 июля 1816 года на грифельной доске:

*«Река времен в своем стремленьи // Уносит все дела
людей // И топит в пропасти забвенья // Народы, царства
и царей. // А если что и остается // Чрез звуки лиры и*

трубы, // То вечности жерлом пожрется // И общей не уйдет судьбы».

Полемика продолжается и в современной литературе.

Борис Владимирович Заходер – автор замечательных детских стихов, переводов-переложений «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла и «Винни-пуха» А.Милна – мало известен, точнее, почти неизвестен как лирик. Его стихотворение «Памятник» имеет пушкинский эпиграф из Горация – «*Exegi monumentum...*» Только многоточие в данном случае воспринимается как знак скептический.

«Сказать ли правду? // Памятников – нет. // Ни рукотворных, ни нерукотворных. // Настанет срок – увы, сотрется след // Всех наших дел – и славных, и позорных.

// Сотрется след побед и прочих бед, // След вдохновений и трудов упорных, // Черты царей на серебре монет // И надписи в общественных уборных, // След океанов и массивов горных, // Самой Земли, её сестёр – планет...

// Ведь всякий срок – увы, всего лишь срок. // И он пройдет. // Сотрется след вселенной, // Где мы с тобой сумели – между строк – // Прочесть усмешку вечности. // Мгновенной.

// Сотрется след... // Но не горюй, поэт! // Ты тоже усмехнулся – ей в ответ».

Опровергнуть рассуждения о всепожирающем жерле вечности невозможно. Но если говорить об отпущенном человечеству времени, то памятники нем – есть, и рукотворные, и нерукотворные. Борис Заходер ушел из жизни в 2001 году. На могиле установили памятник: на небольшом возвышении размещена полусфера из чёрного гранита диаметром полтора метра. По замыслу скульптора Андрея Нулича, она символизирует и земное полушарие, и разрезанное яблоко, и расколотый орех. Но при взгляде на

композицию сверху она предстаёт в виде раскрытой книги. На одной её стороне выгравирован автограф Бориса Заходера, на другой – Винни Пух и Пятачок, взявшись за руки, уходят в бесконечность... Два этих персонажа, которые благодаря Б. Заходеру заговорили по-русски, сделали своего автора бессмертным. А теперь о них можно прочитать и в Интернете.

Судить – потомкам, они решают, «доколь в подлунном мире» продолжится жизнь поэта.

Литература

1. Алексеев М.П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» Л., 1967.

2. Белый А.А. Разговор о «Памятнике» <http://white.narod.ru/memorium2.html>

3. Боткин Д.М. Парапародия как способ выжить: наблюдения над поэмой Иосифа Бродского «Двенадцать сонетов к Марии Стюарт» // Новое литературное обозрение. – 1986. № 19.

4. Бочаров С. «Памятник» Ходасевича. http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0490.shtml

5. Бродский Иосиф. Большая книга интервью. litrus.net

6. Жолковский А.К. «Я вас любил...» Бродского // Блуждающие сны и другие работы. Новое литературное обозрение. 1986, № 19.

7. Заходер Борис.

8. Западаев Юрий

<http://www.playcast.ru/view/1621773/99f9fca8ea55d89bdfd86ec4bc39172008418010p1>

9. Квятковский А. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966.

10. Колкер Ю. Несколько наблюдений: о стихах Иосифа Бродского. М.: Грани, 1991, № 6.

11. Копарев Евгений. Шортлист текстов гимна Рунета <http://stihi.ru/konkurs/hymn/shortlist.html>

12. Найман А.Г. Заметки для памятника. Новый мир, 1997, № 9.

13. Пицман Виктор. Ehexi monumentum
<http://er3ed.qrz.ru/poems-2005.htm#kartawaya>

14. Ранчин А.М. Об одном поэтическом треугольнике: Пушкин – Ходасевич – Бродский. Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1998, № 3.

15. Ранчин А.М. Иосиф Бродский: поэтика цитаты. Русская словесность. 1998, № 1.

16. Фокин А.А. Новые «Заметки для памятника» (о стихотворении И. Бродского «Aere perennius») // [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://krishnahouse.narod.ru/zam.html>

17. Ходасевич В. Колеблемый треножник // Владислав Ходасевич. Колеблемый треножник. Избранное. М.: Советский писатель. 1991.

18. Шанский И.М. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» // Н.М. Шанский. Лингвистический анализ художественного текста. Л., 1990.

19. Юнко Александра. Дактилограмма. // Журнал «Русское поле», 2011, № 1 (3).